

Нурик понижает передачу, жмет на газ; седельный тягач марки Scania рычит и лениво ползет в гору. Лучи фар вяло рыскают по асфальту. До Баламутовки остается километров десять. Условный рефлекс срабатывает безотказно — желудок уже урчит.

Нурик чешет пузо, лузгает семечки, плюется в пепельницу. Настроение у Нурика совсем неважное. Еще бы — зарплату не дали еще за прошлый месяц, у жены нашли рак груди, сменщика никак не могут подобрать. Оттого и ползаем как черепахи, что стоим по десять часов в день.

Мне зарплату тоже пока не дали, но настроение у меня получше. Просто я с какого-то момента стал относиться ко всему наплевательски. Для экспедитора, конечно, качество неприемлемое, но зато существенно облегчает общение с реальностью. Просто езжу в свое удовольствие по городам и весям. И все же я немного завидую Нурику — уж он-то знает способ расслабиться и забыть обо всех проблемах.

Нурик, как правоверный мусульманин и как водитель-дальнобойщик, не пьет. Зато он курит. Причем не только табак. Как накурится — так веселейший человек, а как трезвый — так мрачнее тучи.

За этими мыслями я не заметил, как мы подъехали к месту назначения.

Большое село Баламутовка расположилось в заросшем ложке, в том самом месте, где железная дорога максимально близко к федеральной трассе, и соединяло, таким образом, их между собой.

Если ехать по железной дороге, увидишь пару выцветших пятиэтажек, сколько-то домов поменьше, красное здание школы и уходящий своим концом вглубь лога бескрайний частный сектор.

Если же ехать по автомобильной дороге, самой Баламутовки особо и не увидишь — от таблички до таблички на трассе она занимает едва ли метров четыреста. Так, слева промелькнут пара домиков, радиомачта, автопавильон, и все. Самое интересное будет справа, где жилых домов нет. Там — бар с бильярдом, мотель, две кафешки — большая и поменьше, а чуть дальше, за перекрестком, — огромная заправка. На одной большой стоянке справа от трассы яблоку негде упасть от фур, цистерн и контейнеровозов.

Дальнобойщики облюбовали это место. И не случайно: от Вологды отъехали уже далеко, а до Архангельска осталось еще больше. Лучше места для остановки

и не придумать. Мне это место тоже всегда нравилось, это был такой уютающий среди вековых сосен островок света на темной и хмурой федеральной трассе.

После долгих маневров по стоянке Нурик все же находит подходящее место и, хлопнув дверью, спрыгивает на землю. Я следом за ним, и вместе мы заходим в большое по размеру кафе. Кафе называется «Анна», хотя хозяин его — пожилой лысоватый мужичок, если верить табличке возле входа — индивидуальный предприниматель Плотников В. С. Как мне год тому назад поведал кто-то из знакомых водил, Плотников этот — отставной мичман, отслуживший все положенное при штабе ВМФ в Москве и возвратившийся на родину. Мечта у человека — увидеть снова море, поэтому все стены кафе завешаны репродукциями маринистов.

Несмотря на глубокую ночь (уже половина второго), внутри шумно и накурено. За столами и в очереди — полно знакомых лиц. Если ты экспедитор и часто едешь по одной и той же дороге, ешь в одном и том же кафе, то и людей встречаешь одних и тех же.

— Ну что, деньги на бочку, — говорю я Нурику.

Он равнодушно протягивает мне засаленную сотню. Я спрашиваю его:

— Что будешь?

— Да все равно, — все так же равнодушно отвечает он. — То же, что и ты.

— Ну и ладно, как хочешь, — бурчу я в ответ и встаю в очередь, а Нурик садится за свободный столик.

Подают борщ и мясо в горшочках. Борщ наваристый, ароматный, а со сметаной — так еще вкуснее. Нурик с упоением грохочет ложкой по тарелке, а я жую хлеб, который они пекут тут же, при кафешке, запиваю чаем и пытаюсь что-нибудь рассмотреть в окне. Напрасная затея, все равно ни черта не видно.

В любой придорожной кафешке водилы обычно тусуются своей, отдельной кучкой, благо, общих тем всегда предостаточно, а экспедитору, бывает, и поболтать-то не с кем. Но мне в этот раз повезло: перспективного собеседника я разглядел моментально.

Возле окна, за маленьким столиком, сидит человек лет сорока, среднего роста, темноволосяый, обросший и давно не бритый, в мешковатой зеленой ветровке. Этого человека я знаю, и часто его здесь вижу. Его зовут Сергей Ипсиланти, и он — местный деклассированный элемент. Торгует у обочины вяленой рыбой собственного производства.

Ипсиланти — человек умный и пока еще не спитой, так что общаться с ним приятно. Как-то раз я спросил его, как он относится к своей поистине великой фамилии. На что он ответил: «По крайней мере, они мне не родственники». Ну да. Немало же у нас в России Романовых, Пашковых или Воронцовых. И что, всех их теперь в аристократы записывать?

Он сидел, уставившись на свои сложенные в замок руки. На лице его застыла какая-то обезоруживающе глупая улыбка. Я подхожу, здороваюсь. Пожимая мою руку, Ипсиланти не прекращает улыбаться и на меня не смотрит. Ну и ладно.

Я сажусь напротив. Он поднимает зеленоватые глаза от столешницы и спрашивает:

— Ну, Виталь, как там, запчасти-то с завода забрали?

Фантастическая память! Я ему эту историю рассказывал хорошо если месяц назад.

— Забрали, — говорю, — обошлось все вроде.

— А, понятно. Что еще хорошего расскажешь?

— Да нечего особо рассказывать-то. А у тебя как?

— Пока никак. Улов совсем плохой стал. Еще чуть-чуть, и окончательно по миру пойду.

Не могу сказать, что я знал Сергея Ипсиланти очень хорошо. А чего я и вовсе никак не мог для себя объяснить, так это то, как он докатился до жизни такой. Уж больно не соответствовал он своему нынешнему статусу. Но спрашивать его я не решался, а он не спешил рассказывать. Правда, разок он обмолвился, что когда-то был геологом, ходил в тайгу и в тундру в экспедиции. А в другой раз сказал, что где-то в Западной Сибири у него осталась дочь. Но больше ничего.

Мы сидели за столиком, курили, разговаривали про лов сига и нельмы в этом году. Так продолжалось не меньше полчаса, пока сзади не подошел Нурик и не похлопал меня по плечу:

— Да, Виталя, слушай, я спать. Ты идешь?

— Ты иди, я чуть позже.

— Я в гостинице, — улыбнулся он в ответ, всем своим видом показывая, что спать в кабине ему уже надоело, и он желает отдохнуть как белый человек.

— А я еще подумую.

— Думай, — в своем обычном равнодушном тоне ответил Нурик, поправил пиджак, надел кепку и ушел.

Ипсиланти повернул голову ко мне:

— Ты что, еще спать не хочешь?

— Да что-то нет пока. Разгулялся я чего-то.

Разговариваем дальше. Я предлагаю:

— Пойдем, воздухом подышим!

Он на это соглашается, и мы выходим на улицу.

Мы стоим с Ипсиланти на желтоватом от оконного света пятне на растрескавшемся асфальте возле входа в кафе и молчим. Стоит холодная октябрьская ночь.

Ветра почти нет, но верхушки сосен громко перешептываются между собой. Старый месяц едва просвечивает из-за пелены слоистых облаков; звезд не видно.

По стоянке, среди бесчисленных фур, ходят одинокие шофера, с дальнего конца, со стороны заправки, доносятся звуки перебираемых инструментов и трехэтажный мат. И вдруг Ипсиланти спрашивает:

— Виталя, скажи, а ты сам откуда родом?

А я родом с Дальнего Востока. Так и отвечаю:

— Я из Сковородино. Это в Амурской области.

— Я знаю, — отвечает он. — Бывать, правда, не бывал, но встречал на картах.

— А ты откуда?

— А я из этих мест. Из Архангельска.

— Но бывал-то ты, я думаю, много где?

— Это точно. Проще сказать, где я не бывал. Такая уж у геологов работа.

— А почему сейчас ты там не работаешь? Или я чего-то не знаю? — я криво ухмыляюсь.

— О, — смеется Ипсиланти мне в ответ, — это долгая история. Если хочешь, расскажу как-нибудь. Хочешь?

— А почему бы и нет! А сейчас что?

— Думаю, спать пора, — Ипсиланти взглянул на часы. — Четыре доходит.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он на прощание жмет мне руку и растворяется в темноте.

На стоянку въезжает традиционный ночной автобус из Сыктывкара. Глухо урчит дизель, фары гаснут, а в салоне зажигается свет. Пассажиры гурьбой вываливаются на твердую землю, дружно разминают затекшие спины и затем так же

дружно, едва ли не строем, идут в кафе. Только какая-то средних лет пара стоит в обнимку у фонарного столба.

Я еще какое-то время стою и бесцельно вглядываюсь в ночь. Докуриваю очередную сигарету, бросаю бычок прямо перед собой, и на асфальт выплескивается стая ярко-оранжевых искорок.

В номере Нурик уже спит. В окно стучится зарядивший мелкий дождь. Бросив вещи на стул и отхлебнув воды из графина, ложусь спать и я.

...Утро туманное, сырое, но все равно какое-то несвежее. Девять часов. Нурик богатырски храпит в своем углу, а вот мне чего-то не спится. Гляжу на часы еще раз — да, точно, девять. Во стоянки доносится рев заведенных дизелей вперемешку с обычными утренними матюками.

Ворочаюсь долго, но уснуть так и не могу. Чертыхаюсь и выхожу на улицу. У дороги, возле выезда со стоянки, сидит Ипсиланти со своим нехитрым товаром. Тут все, что душе угодно: и плотва, и щука с окунем, и караси, и поблагороднее рыба: копченая, вяленая, жареная — любая. Рыба разложена на трех перевернутых картонных коробках, сам продавец сидит на складной табуреточке, кутается в свитер, читает вчерашний номер «Коммерсанта».

— А, Виталя! Уже проснулся? — Он протягивает мне руку.

— Не говори, весь режим себе сбил. Пора завязывать с этой работой.

— Ну, как знаешь. Э, кстати, хотел тебя вчера спросить: ты куда на этот раз?

— Да как обычно, в Архангельск. У меня, видишь, выбор невелик: то Сыктывкар, то Ухта, то Архангельск. Ну, еще Питер иногда. А если совсем повезет — так куда-нибудь поужнее выберусь.

— А вот когда я туда выберусь, кто бы знал...

— Да ну, что ты так? Бросил бы свою рыбку на пару дней и съездил бы, тут езды-то от силы часов на десять.

— Нет уж, дудки, — ощеривается, ежась от холода, Ипсиланти, — мне теперь назад ходу нет.

Что-то он не то говорит, думаю я. И как это — хода нет? И спросить бы надо, да неприлично. Он стоит и молча глядит на меня. Как будто ему самому хочется много что мне сказать, да то ли он стесняется, то ли еще что... Наконец он напряженно выдыхает и выщеживает из себя:

— Знаешь, Виталя, я тут уже больше года кручусь-верчусь в этой Баламутовке. Много народу ходит мимо меня, а поговорить толком-то и не с кем. Вот только с тобой разве что. Не знаю почему, но как-то я тебе больше других верю.

— Спасибо, — негромко отвечаю я, — это приятно слышать.

Я жду, что он скажет что-нибудь еще, завершит мысль. Но мысль он так и не завершает, и разговор переходит на другую тему.

Еще через час просыпается Нурик, и, обменявшись свежими новостями и сплетнями со знакомыми шоферами, идет прогревать двигатель. Я к тому моменту уже закончил нашу с Ипсиланти беседу и сижу в полупустом кафе. Кофе с пирожками — ни дать ни взять французский завтрак на русский манер. Пока седельный тягач марки Scania медленно приходит в себя от поворота ключа зажигания, Нурик присоединяется ко мне.

— Слышал, — говорит он, — сыктывкарские уже забастовку хотят!

— А что у них там стряслось? — прихлебываю я кофе из одноразовой кружки.

— Как что? Зарплату совсем не дают, пять месяцев не дают! Это же нельзя так жить!

— И что ты предлагаешь? Нам такую же забастовку устроить?

— Не знаю, как ты, — укоризненно смотрит на меня Нурик, — а если у нас забастовка будет, я тоже пойду!

— Так пять месяцев еще не прошло! Вот как пройдет, так и посмотрим, — пытаюсь я обратиться разговор в шутку. Но Нурик шуток не понимает. Или делает вид, что не понимает:

— Оттого вы, русские, и живете плохо, что забастовки не делаете.

— А ты что, намного лучше живешь?

— И я плохо, — признается Нурик и, чуть подумав, негромко добавляет: — Мы тоже не делаем.

Покончив с кофе и купив в дорогу пиццы и пирожков, мы идем к машине, залезаем в кабину, пристегиваемся. Нурик, уже взявшись одной рукой за рычаг переключения передач, другой держит карту и на всякий случай еще раз с ней сверяется, смотрит, не появилось ли за ночь новой дороги. Не появилось.

Буквально за секунду до того, как мы должны были тронуться, в дверь кабины с моей стороны постучал Ипсиланти.

Я открываю ему. У него в руках сложенный вдвое тетрадный лист, исписанный мелким почерком. Он протягивает его мне:

— Что это? — спрашиваю я.

— Передай это там, в Архангельске, по адресу, там вверху написано. Только не в ящик положи, а лично в руки. Если тебе не трудно, конечно.

— Да нет, не вопрос, передам, — я кладу лист нагрудный карман. — А кому это?

— Это моей матери. Может, она все еще по этому адресу живет. Я же не знаю, девятнадцать лет там не был.

— Хорошо, передам, — я этими его словами был шокирован, но виду старался не подавать.

— Да это необязательно сейчас, — сказал Ипсиланти. — Можешь потом, в другой раз отдать, если хочешь. Это не горит. Ну, удачи!

— Пока! — кричу я в ответ, и Сергей захлопывает дверь.

Вот она, Инна Сергеевна Ипсиланти, в профиль. А вот на классной фотографии, во втором ряду, третья слева. Да-да, вон там. Обращаешь внимание на нее не сразу, но, обратив, взгляда оторвать уже не можешь.

В свои четырнадцать Инна не была ни особенно красивой, ни особенно развитой — разве что умной не по годам. Она была высокой и хрупкой девушкой, с небольшой, но явственно прорисованной грудью, узкими бедрами и длинными тонкими пальцами. Остроносое лицо ее и прямые, почти черные волосы длиной немного ниже плеч скрывали в себе признаки будущей, неослепляющей, но по своему очень сильной, красоты, которой еще предстоит расцвести.

Она уже плохо помнила свою мать и начинала забывать отца. Если она что-то и любила в этой жизни по-настоящему, так это читать. Ею проглатывалось все, что попадалось, от русской классики до трудов по политэкономии, но действительно настольными книгами для нее стали несколько томов, прихваченные из дома.

Когда-то эти книги принадлежали ее отцу, а одна из них — даже ее бабушке по отцовской линии, о которой Инна знала только то, что она существует где-то в Архангельске, откуда отец был родом, но за четыре года она успела всем сердцем к ним прикипеть.

Читать она предпочитала лежа на кровати в своей комнате, стоявшей отдельно от четырех остальных, в небольшом закутке, у окна. Оно выходило на север, и солнце туда не светило никогда, но по ночам в него заглядывал масляно-желтый фонарь, грустно улыбаясь из-за стены снега или дождя. А с высокого потолка ей

улыбался сложный и запутанный узор трещин в известке. Там, под светом тусклого ночника на подоконнике, прошло четыре года.

Она редко говорила и еще реже улыбалась. У нее не было ни подруг, ни товарок. Из всей среды гимназисток она выделяла только своих прямых конкуренток в соревновании за поощрения и наградные баллы, в этой бесконечной, почти животной грызне за лишний кусок. На остальных же было ноль внимания, фунт презрения. Довольно узкий, в два класса, круг сверстниц, варившихся почти круглый год в собственном соку, вызывал у нее какое-то внутреннее отторжение, и в момент попадания в гимназию, и позднее.

Нет, это, конечно, было общество строго по Дарвину, только с одной маленькой оговоркой — как в песне, победитель был прав, а проигравший просто жив. И тысяча с лишним гимназисток выживали, как умели. Некоторые кооперировались между собой, сбивались в кучи, стремясь либо урвать побольше для своей компании, либо сообщая утопить всех остальных. Старшие кошмарили младших, сильные — слабых, хитрые — доверчивых, etc., etc.

В четвертом классе, куда она сначала попала, Инна мгновенно определилась со своей позицией, и с того момента вела свой личный баланс побед и поражений, ни с кем не желая его делить. Пока ее одноклассницы менялись друг с другом анкетами и устраивали бесконечное мерение грудями, вернее их отсутствием, а внезапно случившееся менархе становилось козырной десяткой в рукаве, Инна Ипсиланти уже задумывалась о будущем.

В тот самый день, когда она попала в гимназию, твердо решила, что отсюда сбежит. И отныне все ее свободное время было посвящено обмозговыванию этой идеи. Она быстро перестала отвлекаться на мелкие дразги. Когда одноклассницы развернули кампанию против своенравной и нелюдимои новенькой, она легко смогла справиться с этим. Цель оправдывала средства, и, если для поднятия авторитета в глазах этой публики нужно было съмитировать якобы уже имеющиеся месячные, значит, такую цену и нужно было заплатить, дабы они все съели. И они съели.

Инна с самого начала была одной из круглых отличниц, но большие лавры пришли позднее. Слишком уж высокая была конкуренция, а она вступила в борьбу не с начала. Целью ее было оставить позади одноклассниц, и, медленно набирая обороты, она к восьмому классу пересидела их всех. О, да, она хотела стать лучшей в классе, не мытьем, так катаньем, стать лучшей, и ей это удалось.

В восьмом классе, когда с дистанции борьбы за титул самой умной, самой прилежной, самой любимой учителями гимназистки выбыли одна за другой почти все ее участницы, забег этот вышел на финишную прямую. Кроме самой Ипсиланти, в нем остались еще только две девицы из параллельного класса — неразлучные подружки Оля Каличкина, которую наша героиня за глаза окрестила «кудряшка Сью», и Марина Лонгинова, тоже кудрявая, но куда как более изящная — почти точная Иннина копия по силуэту, только со светлыми волосами. Это были соперницы посерьезнее, да и вцепились друг в друга они крепко. Только зачем, Инна никак понять не могла. Она понимала лишь, что способна одолеть любую из них в одиночку, но спасует перед двоими. Так что борьба шла с переменным успехом.

Именно тогда в ее жизни появился Григорий. Появился, в общем-то, случайно — да иначе и быть не могло, ибо гимназисток от мужского пола ограждали крепко, делая исключения для совместных балов с кадетским корпусом. Оттуда-то и пришла крамола, как бы ни фантастично это звучало. Пары для танцев составлялись на все балы разом, причем подбирались примерно подходящие друг другу по комплекции, росту и возрасту. Именно так в паре с Инной оказался командир отделения кадетского корпуса Григорий Коптильников, среднего роста, комплек-

ции и привлекательности парень. Только глаза у него были особенные — в них светилась искорка теплого, живого ума.

Иннины однокашницы не постеснялись в открытую пожалеть Коптильникову за то, какая партнерша ему досталась. Но все сложилось иначе. Инна, обычно до цинизма трезвая в своих суждениях, тем не менее не сразу поняла, что влюбилась. Видимо, просто не ожидала от себя подобного. Но, осознав это, не стала гнать возникшее чувство, которое наполнило ее жизнь каким-то новым смыслом.

С этим человеком она преображалась, становилась своей противоположностью. В этого человека было вложено то небольшое теплое, что таилось в этой высокой, с черными волосами и фарфоровой кожей девушке — угловатой и в то же время изящной.

Это был уже тот возраст, когда влюблялись. То есть влюблялись, конечно, и раньше, но именно тогда амурный сезон впервые открывался всерьез. Инна прекрасно знала, что она такая не одна — многие девушки положили глаз именно на кадетов (за неимением иных вероятных партнеров в обозримом радиусе).

Некоторые, особенно те, кого часто забирали домой, пытались счастья в том направлении, и потом, долгими зимними вечерами, рассказывали, с какими парнями они встречаются. Порой это перерастало в соревнования на приз барона Мюнхгаузена, но звучали иногда и реальные истории. Некоторые особо отважные не жалели ради таких романов своей невинности, эти факты чаще всего становились достоянием гласности и порождали скандалы с последующими отчислениями «за несоответствие облику гимназистки».

Особенно показателен был в этом плане пример некой Анны Лурье из девятого класса, которая еще до поступления в гимназию принесла клятву верности какому-то парню из своего двора, и все это время (четыре года!) встречалась с ним.

Когда же это вскрылось по причине беременности, руководство гимназии твердо вознамерилось оставить ее в числе учениц (Лурье блестяще играла на фортепиано и шутя брала первые места на всевозможных конкурсах) и начало искать благовидный предлог не доводить дело до конца.

Однако девушка проявила недюжинную принципиальность, писать заявление об изнасиловании отказалась и предпочла отчисление аборт. Тут надо сказать, что и парень даже не пытался отрицать своей вины за случившееся и от своей подруги не отрекся.

Но Инна Ипсиланти была осторожнее и таких промахов не допускала. Она, уставившись в одну точку на потолке, наостряла уши и, жадно впитывая все звучащие в ее комнате истории о встречах, поцелуях и о чем-то большем, мысленно примеряла все это на себя.

Их встречи с Коптильниковым были несчастными, но очень насыщенными эмоционально. Конечно, были балы и совместные чаепития на обеих сторонах, но этого не хватало. Время, когда каждого из них отпускали в город, совпадало редко, но они оба постоянно думали друг о друге. Он был счастлив, что сбылась его мечта завести себе подругу, и не какую-нибудь, а умную и симпатичную. Она же, предаваясь мечтаньям по ночам, как-то вдруг отметила для себя, что это все для нее настолько необычно и настолько в новинку, что как будто мир повернулся к ней другой своей стороной.

Она тщательно старалась скрыть тот факт, что кому-то удалось покорить ее сердце (как факт, наносящий ущерб ее имиджу), но сделать этого не смогла. Коптильников, человек не столь нелюдимый, как его возлюбленная, поведал о своем романе кому-то из товарищей по корпусу, который, в свою очередь (опять же после знакомства на балу), бил клинья к Марине Лонгиновой, и, в надежде завоевать доверие, рассказал ей услышанную новость.

Нет, большой любви к Инне в гимназии никто не питал, но Лонгинова... В обходе, слухи поползли. И если раньше большинство гимназисток глядели на Инну боковым зрением, то теперь начали выпучивать глаза, как бы всем своим видом показывая, что не могут поверить в случившееся. Инна пыталась не обращать на это внимания, и все же это ее задевало.

В Архангельске проливной дождь. Вода из-под колес фонтаном хлещет на обочину, дворники едва справляются с потоками на лобовом стекле.

Склады наши расположены где-то в Исакогорке, в стороне от жилых домов, и мы правим туда, заезжаем через открытые ворота. Возле пакгаузов и на контейнерном дворе зловещая пустота. Только на подъездных путях, возле ворот, пытит и чихает зеленый маневровый тепловоз, да к нему прицеплены две теплушки.

Нурик подруливает мастерски точно, и фура глухо ударяется об отбойники перрона. Наверху, опершись о стену, нас уже поджидает кладовщик в синем козырьке, в руках у него синий же планшет. Я здороваюсь с ним, передаю ему бумаги. Он мне в ответ сообщает, что меня ждет человек из юротдела, хочет со мной поговорить, я киваю, и, пока грузчики начинают разбираться с фурой, иду туда, куда кладовщик мне указал.

Наш только что оперившийся юрист Длуголенский, отправленный начальством в архангельский филиал, ждет меня в конторе грузового двора. Известный всей фирме как большой любитель и умелец нагнетать обстановку, только он так мог декорировать свое ко мне дело — с ожиданием в условленном месте и с привлечением кого-нибудь из младшего персонала, дабы мне об этом сообщить. Одет он тоже в своем репертуаре — клетчатая рубашка, шерстяной жилет и шарф a la Остап Бендер.

Длуголенский сидит в огромном офисном кресле, невесть откуда появившемся в непролазной грязи полуподсобного помещения, смолит какую-то ароматизированную гадость. Вишня, кажется.

— Ave, Caesar, идущие на смерть приветствуют тебя, — говорю ему я. Между прочим, ничего смешного, уж если юрист желает с тобой поговорить, значит, что-то случилось.

— На латыни это будет «morituri te salutant», — отсутствующим голосом говорит Длуголенский.

— А мне больше по-русски нравится, — в самом деле, не говорить же ему открытым текстом, что у менеджеров по логистике (кем я вообще-то являюсь) латынь в программу не входит.

— Ладно, это все лирика. Как доехал?

— Да ничего вроде, все нормально. А у вас тут как, на Крайнем Севере?

— Ну, — затянул Длуголенский, — это еще не Крайний Север, — а затем добавил: — Но дыра порядочная. А в целом, тоже ничего, сойдет. Но я-то тебя вот зачем позвал: помнишь, когда стиральный порошок в Северодвинск возили, в сентябре?

— Да, было дело. Так вроде все довезли, ничего не потеряли.

— Не потеряли. Только там в двадцати трех коробках вместо порошка оказалась просроченная тушенка.

Мне и смешно, и страшно. А ну как с меня и спросят?

— Не мы же его сгружали. Мы этот груз, если помнишь, в Казани забрали, с другой машины.

— Помню, помню, — отмахивается Длуголенский, — только они вот телегу накатали, теперь судятся с нами. Придется тебе в суд сходить. Так что вспоминай, как оно все было. Сможешь?

— Смогу, а что не смочь-то?

— Вот и отлично. Надо обмозговать, что тебе там и как говорить. Ты все бумаги сдал?

— Все.

— Ну, тогда что тут торчать, поехали ко мне, там и поболтаем. Я подвезу.

— Ладно, поехали. Только Нурика предупрежу, чтобы он без меня на стоянку ехал.

После закрытия трамваев и троллейбусов перемещаться по Архангельску стало совсем трудно. В городе страшные пробки. Они и в сухую погоду страшные, а в дождь вообще — хоть святых вон выноси. Длуголенский сосредоточенно разглядывает приборную доску, благо на дорогу все равно смотреть нет смысла, но я почти что слышу, как он про себя ругается на эту осень, на этот проклятый город и, конечно, на свою загубленную судьбу, которой надлежит закончиться здесь, в провинции.

Длуголенский снимает крошечную, наглухо зашторенную однушку в доме напротив вокзала. Кажется, что, если портьеры на окнах этой квартиры раздвинуть, квартира тотчас же сгорит. Но Длуголенскому, похоже, нравится.

... Часа два мы беседовали с ним о предстоящем процессе, о положении дел в фирме и много еще о чем. Длуголенский оказался, на удивление, болтливым человеком, и, что самое удивительное, слушать его было ненапряжно. Ни дать ни взять настоящий юрист. Далеко пойдет.

И все эти два часа мою ногу в кармане брюк жгла записка, которую Ипсиланти передал мне в Баламутовке. Она требовала, чтобы ее отнесли по адресу, она требовала, чтобы ее отдали лично в руки. В конце концов, мне начало казаться, что если я не уйду от Длуголенского сейчас, то окончательно с ним заболтаюсь и обо всем забуду.

Я ему попытался было намекнуть о том, что пора, но не тут-то было. Он, как гостеприимный хозяин и просто как человек, которому смертельно скучно, даже не пытался понять мои намеки. Предложил выпить по стопочке коньячка, покурить хорошую сигару — было видно, что от сердца отрывает. Мне стоило большого труда сослаться на неотложные дела, на усталость и еще на две тысячи триста тридцать три причины, дабы отделаться от столь радушного хозяина.

Дождь на улице и не думал прекращаться. Стена воды, две стены воды, четыре стены воды... Поганое время — глубокая осень. Я где-то читал, что именно на этот сезон приходится наибольшее число разводов, депрессий и самоубийств. Ничего удивительного.

Возле вокзала ловлю такси и еду по адресу, который указан на записке.

... Тихая улочка где-то в Соломбале, дома в два-три этажа, проезжая часть от дождя превратилась в направление. «Волга» буксует через каждые пятьдесят метров. Через каждые же пятьдесят метров таксист ругается матом. Заехав в нужный двор, еще пытается содрать с меня лишний полтинник за профессиональную вредность. Напрасно.

Захожу в первый подъезд. Поднимаюсь на третий этаж. Стучу в девятую квартиру. Почти мгновенно, даже не спрашивая «кто там?», дверь мне открывает женщина лет шестидесяти пяти, невысокого роста, черноволосая, с длинным крючковатым носом и подернутым морщинами лицом. В ее глазах не читается ни малейшего удивления по поводу появления на ее пороге совершенно незнакомого человека. Она меня как будто бы ждет.

— Ольга Дмитриевна, — спрашиваю я, — это вы?

— Это я, — отвечает она. — Вы по какому вопросу? Если из управляющей компании, я с вашим представителем уже беседовала.

— Да нет, я не из управляющей компании. Меня попросили вам передать, — и протягиваю записку.

Она берет листок в руки и, даже не разворачивая, начинает его внимательно разглядывать. На ее лице не отражено никаких эмоций, но кожа, и без того белая, как известка, белеет еще сильнее. Тут я начинаю беспокоиться. Хватит еще инфаркт старушку, чего доброго, век потом не отмоюсь. Я в фирме и так в «расстрельном списке» на сокращение. Ольга Дмитриевна меж тем некоторое время беззвучно шевелит губами, а потом спрашивает:

— Он вам сам это передал?

— Сам, — отвечаю я.

— А где это произошло, где вы его встретили? А, впрочем, не важно. Заходите, поговорим, если у вас, конечно, есть время.

Я прохожу вслед за хозяйкой на кухню. Она включает чайник, мы садимся у стола, застеленного простой клеенкой, и молчим. Квартира обставлена бедно, но исключительно чистая. Наконец Ольга Дмитриевна подает голос:

— Итак, расскажите мне, где вы его встретили?

— В Баламутовке. На юге области. Видите ли, я экспедитор, езжу с дальнебойщиками и часто проезжаю через это село.

— И там вы его встретили?

— Да. Он уже давно там. Мы с ним познакомились в придорожном кафе, он там на стоянке часто бывает.

— И чем занимается?

— Торгует вяленой рыбой, вроде сам же ее и ловит, — честно отвечаю я.

— Да уж, — говорит Ольга Дмитриевна, — достойное занятие. Но, по крайней мере, он не ворует и честно зарабатывает на хлеб насущный.

— Разве этого мало?

— Видите ли, молодой человек, мой сын мог добиться в жизни куда как большего! Но лень, лень и несобранность!

— Извините, если задел большую тему.

— Конечно, она большая, — здесь голос старушки начинает дрожать, — но вечно нельзя держать это в себе.

— Тогда говорите. Я обещаю, что то, что вы скажете, никогда не выйдет за пределы этой кухни, — фраза получается весьма корявой, но ведь не каждый день изображаешь из себя вежливого человека.

Но Ольге Дмитриевне, похоже, все равно.

— Видите ли, — говорит она, — Сергей в детстве был умнейшим ребенком, любознательным и живым. Как его отец, пока тот не пропал.

— Пропал?

— Да. Он служил на торговом флоте. Где-то в Африке сошел на берег и больше не вернулся. Сергею тогда еще трех лет не было, — Ольга Дмитриевна снимает с подставки бурлящий чайник и бережно сливает кипяток в гжелевый заварник. Видимо, принципиально не признает пакетиков. Потом садится и продолжает:

— Так вот, Сережа... Умница был... В школе учился хорошо, если бы не ленился да если бы не плохая компания. Да вы сами посмотрите на этот район, какая уж тут компания! И что они в его голову вложили — не понимаю. Был хороший, а к концу школы испортился. Отрастил волосы, слушал какую-то дрянь, а один раз — представляете! — приходит из школы, а от него табаком так и разит!

— Он и сейчас курит.

— Ну и пусть травится. Перед самым выпуском он и с девичьими какими-то встречаться начал, ему бы об учебе думать, о поступлении, а он... А еще постоянно в лесу пропадал. Но это у него было с самого детства. Любил парки, леса, рощи, зелень всякую, жуков там, пауков. В школе даже в кружок по зоологии ходил, во Дворце пионеров. Потом бросил, конечно, но пару лет ходил.

Я его, естественно, одергивала, что он забыл в этом лесу, а он говорит: скучно мне, говорит, в городе. А в лесу, мол, раздолье, свобода, чистый воздух... Я так старалась, чтобы из него не выросло шалопая, а все-таки не смогла.

Когда он школу окончил, я думала, что он поступит к нам, в Архангельске, в пединститут. Не ехать же в Мурманск или в Ленинград, в самом деле! А он... И откуда столько дури было в его голове? Поругались мы с ним тогда. Я ему говорю: ты мне не сын больше, если так со мной. А он мне: раз так, то и катись к черту, знать тебя не желаю. И уехал. Черт-те куда уехал. Мне потом говорили город, но я не запомнила, к чему это? Он там вроде выучился на геолога. Как был шалопаем, так и остался. А потом еще кто-то рассказывал, что он там женился, что у него дочка родилась... А что дальше с ним стало, я не знаю. И знать не хочу.

— И о его дочери тоже?

— А вы что-то знаете о ней?

— Нет, о ней я, увы, ничего не знаю.

— Ах, если бы вы только могли себе представить, как бы дорого я дала, чтобы хоть раз ее увидеть! Уж она-то должна быть не чета своему отцу. Если бы она была здесь, если бы я могла ее воспитать. Я бы ее не заставляла идти учиться куда мне нужно. Мне это теперь ни к чему. Просто, если бы вы только знали, как грустно, что у меня где-то подрастает внучка, а я даже не могу ничего для нее сделать!..

Мы пьем чай и еще о чем-то беседуем... Ольга Дмитриевна хоть женщина и строгая, но очень радушная хозяйка, постоянно просит меня под страхом своей обиды попробовать «вот это варенье» или «вон ту ягоду», а когда наконец темнеет и я говорю, что мне надо идти, берет с меня клятвенное обещание, что я, когда еще раз заеду в Архангельск, обязательно зайду к ней на чай.

В прихожей я молча одеваюсь, открываю дверь и выхожу на площадку. И уже через порог Ольга Дмитриевна вдруг спрашивает меня:

— Скажите все-таки... Как он там?

— Нормально. Он — нормально.

Прежде всего, для успеха плана нужны были деньги. Инна, как отличница, получала стипендию и копилку пополняла именно оттуда. Преодолевая все соблазны, она отказывала себе буквально во всем, но таки собрала чуть больше четырех тысяч рублей.

Другая сторона вопроса — паспорта. То, что без бумажки мы — букашки, Инна усвоила еще в детстве. Она, быть может, сбежала бы и раньше, но ждала, пока достигнет четырнадцати лет, чтобы обрести в своих передвижениях хоть минимальную самостоятельность. Паспорт ей выдали, но загвоздка состояла в том, что документы всех гимназисток для надежности (так это объяснялось) хранились в сейфе у завуча по воспитательной работе вместе с частью личных дел. Инне стоило большого труда убедить себя в том, что это — не часть какого-то большого дьявольского заговора администрации против учениц.

Однако она смогла решить и эту проблему. Она добилась того, что именно ей, как едва ли не самой прилежной и благонадежной ученице, уже упомянутая

дама-завуч доверила помогать по части своей канцелярии, в том числе и в работе с личными делами. Сколько нового узнала Инна, читая эти бумаги! Но главное — она все же делалась того прекрасного дня, когда суровая начальница, оставив ее в кабинете снимать копии с бумаг и снабдив на всякий случай ключами, ушла на обед. Так у Инны появились их дубликаты.

Затем Инна начала, выходя в свободное время в город, искать место, где будет прятаться первое время, подбирая его с тем расчетом, чтобы оно было достаточно далеко от гимназии и чтобы оттуда можно было в случае чего легко уйти. Подобрала сразу четыре.

Не последний вопрос — куда бежать. Вопрос был трудный, но Инна решила так: найти работу, а уж следом за этим ориентироваться по обстоятельствам.

Было и еще одно обстоятельство. Инна не могла не понимать, что вечно на улице ей не выжить, и, если до наступления зимы не удастся создать приемлемых условий, она просто погибнет от голода. Ко всему прочему, шанс на побег у нее был только один, и вот почему. Гимназистки, случалось, бегали и раньше; за этим всегда следовало исключение из гимназии, но если для остальных учениц это было чревато всего-навсего поступлением в обычную школу, то Инне с ее семейными обстоятельствами улыбался детский дом со всеми прелестями тамошней жизни.

Будучи наслышанной об этих прелестях, она резонно полагала, что до возможности побега оттуда она может просто не дожить. И, наконец, для нее было важно не просто сбежать, а сбежать так, чтобы НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.

Из всего этого следовало, что ей, на случай, если не удастся обустроиться самой, нужно будет иметь некий резервный «план Б», то есть уйти куда-то туда, где ее примут и, по возможности, не изнасилуют и не убьют. Такое место было всего одно — ее бабушка, живущая в Архангельске. Наведя кое-какие справки, Инна смогла установить, что та жива, но адрес ее так и не раздобыла.

Эти подготовительные мероприятия продолжались бы и дальше, но помешало появление Григория на горизонте.

Она долго не могла решить, посвящать ли Григория в свой план побега. А готовила она очень тщательно, и потому появление нового неизвестного в уравнении могло все только испортить. Ей безумно, до боли хотелось вырваться, глотнуть свежего воздуха и затем бежать, бежать куда глаза глядят, бежать любой ценой. А он? А вдруг он ей помешает, все сорвет, все испортит? Однако, в конце концов, Инна поняла, что предать его просто не может. Не имеет права. Не должна.

Раз, в апреле, субботним вечером, они медленно шли по маленькому скверу где-то в новом районе, на востоке города. Уже темнело, но голубоватая ночь, наступавшая на город, была какой-то по-весеннему мягкой, ласковой, хотя и холодной.

Он отпустил ее руку и положил свою на ее плечо; она повернула голову к нему и легонько коснулась сухими, холодными губами его виска, а затем тихо, почти шепотом, но с какой-то стальной уверенностью в голосе сказала:

— Я хочу убежать.

— Откуда убежать? — не понял Коптильников. — И куда?

— Из гимназии, — спокойно ответила Инна. — Не важно, куда.

— Ты с ума сошла, — не менее спокойно сказал Григорий и все же, хотя и имел намерение заикнуться о причинах такого ее решения, от вопроса воздержался. Он-то знал: если она сказала — сбежит, значит — сбежит. Но она не заставила его пугаться в догадках:

— Гришенька, пойми, я больше так не могу. Матери моей нет давно, отец не знаю где, может, и его нет, я его и в детстве-то не видела, он же геолог был. Понимаешь, нет у меня никого в мире, кроме тебя, и самой меня нет. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Григорий, хоть и не понимал. А она продолжала:

— Я сама жить хочу, среди людей жить хочу, а не в этом зоопарке. С тобой хочу, понимаешь?

— И как ты хочешь это сделать, чтобы не нашли? — все еще с некоторым недоверием в голосе спросил Коптильников.

После того как Инна разъяснила ему детали своего замысла, уговаривать Коптильникова участвовать в нем долго не пришлось. Не то, чтобы он очень хотел сделать ручкой кадетскому корпусу, но Инной он настолько дорожил, что не мог позволить уйти ей просто так, в никуда. По сарафанному радио он уже достаточно наслушался о том, какой репутацией она пользуется, и вдвойне гордился собой, что такая неприступная девушка выбрала именно его.

Моя следующая встреча с Ипсиланти состоялась три дня спустя после первой, когда мы с Нуриком возвращались обратно.

Было около шести вечера, когда мы заехали на стоянку. Нурик, которому не терпелось потратить хоть что-то из свежевыданной получки, тут же кинулся в расположенный по соседству с кафешками магазин класса «всего помаленьку», а я остался стоять возле машины.

Сергей сидел на своем обычном месте, но заметил я его не сразу, так как он там был не один. Он сидел на своей табуретке, а рядом с ним стояла невысокого роста темноволосая женщина; они курили и о чем-то разговаривали. Вот никогда бы не подумал, что в таких местах женщины встречаются как вид! Женщины, я подчеркиваю, а не бабы, каких везде хватает. А то, что это была именно женщина, я разглядел метров с восьмидесяти.

Нет, я, конечно, понимал, что отвлекать людей от разговора неприлично, но все-таки подошел. Я и так хотел подойти к Ипсиланти и, по крайней мере, поздороваться, а наличие этой незнакомой мне особы рядом с ним еще более усиливало это мое желание.

Так я и сделал. Когда я подошел, Ипсиланти встал, широко улыбнулся и представил меня собеседнице:

— Вот, Марина, это мой хороший знакомый и хороший человек Виталий.

— Марина, — ответила женщина и протянула руку, которую я в немного выпендренной манере поцеловал.

— Марина, — сказал Ипсиланти, — можно сказать, приехала поднимать село. Вообще она учитель русского и литературы. Но — кризис, работы нет, и вот она здесь. Зато здесь работа есть. Я прав?

— Да, как-то так, — сказала Марина, — но в здешней жизни тоже есть своя прелесть.

Мы еще некоторое время стояли, беседовали на отвлеченные темы. Я очень боялся, что Ипсиланти заведет разговор о своей матери и о записке, но он, к счастью, его не завел. Потом Марина засобиралась домой, и я вызвался ее проводить; Ипсиланти собрал товар и отправился куда-то по направлению к кафе.

Марина жила на другом конце Баламутовки, возле железнодорожной станции, снимала квартиру в какой-то трехэтажке. Она пригласила меня на чай, я отказываться не стал.

Оказался ли я с ней в постели, спросите вы? Да, оказался, причем в тот же вечер. Все вышло как-то само собой, да и бог с ним, вышло и вышло.

Марина сидела на краю кровати, завернувшись в простыню, и курила. Я лежал на спине и тоже курил. Даже если о чем-то и надо было говорить, то лично я на разговор настроен не был. Но Марина спросила:

— А как ты вообще... связался с этим Ипсиланти?

— Да даже не знаю, — ответил я, — просто часто тут проезжаю, так как-то и познакомились. А что, ты что-то против него имеешь? По-моему, замечательный человек.

— Да я и не спорю, что замечательный. Просто странный слегка. И я ничего против него не имею.

— А чем он странный? Тем, что не спился при таком образе жизни?

— И этим тоже. Но не только. У него вся жизнь очень своеобразная. Он мне много рассказывал.

Так как история уже была мне отчасти знакома, то, больше из вежливости, чем из действительного желания слушать, я спросил:

— А что он рассказывал?

— Долгая история. Попробую начать сначала. Он сам родом из здешних мест, но учиться поехал, насколько я знаю, в Томск, потом куда-то оттуда перебрался, куда именно, не помню, но тоже в Западной Сибири. Его мать воспитывала, женщина строгих правил, властная и сильная. Отец то ли умер, то ли исчез куда-то — я не знаю, он и сам не знает. Вообще странно, как замечаю по своей жизни, все Серге — безотцовщина. Не первый раз уже такое. В общем говоря, у них с матерью отношения были тяжелые. Он своевольный был, рвался на свободу. И вырвался в конце концов. Поссорился, разругался вдрызг — и уехал. Уехал учиться за три-девять земель.

Он, как мне говорил, потому и стал геологом, что хотел на природу, подальше от людей и установленных порядков. Так ему нравилось. И стал. Все студенчество пропадал в экспедициях, потом тоже пропадал. А еще через год женился. Он говорил, что даже не помнит, как со своей женой познакомился — не отложилось, наверное, в памяти. А она откуда-то из деревни была родом, правильная девушка, умница, отличница. Бог ее знает, что она в нем нашла — может, жильё было нужно и прописка, а может, как говорят, противоположности сходятся. Только я в это не верю.

— Слушай, — говорю я, — ты мне объясни только, зачем он тебе все это так подробно рассказывал?

— Не знаю. Просто я его попросила рассказать, он и рассказал. Он говорит, что ему за свою жизнь не стыдно, он секрета из нее не делает. Так тебе интересно?

— Конечно, продолжай, — отвечаю я и поудобнее откидываюсь на подушку.

Марина продолжает:

— Потом они, как я говорила, из Томска переехали. А вскоре у него дочка родилась, они ее Инной назвали. Он говорил, что это жена на имени настояла, потому что «это звучит». А ему все равно было, он не возражал. Но он свою дочь очень любил, возился с ней, как умел, пока она маленькая была. Да только дома его все равно не было почти никогда, экспедиции, партии, снова экспедиции. Он два раза на зимовке в Арктике бывал, всю тайгу изъездил, в болотах тонул, где он только ни бывал — в общем, куда Макар телят не гонял.

Ему в городе, дома было тяжело, на месте не сиделось. Из-за этого у них с женой начались конфликты, ссоры — будь здоров. Так было — в экспедиции клещи и комары кусают, а дома жена. И так десять лет. А он все терпел. Это же долг, ответственность — понимаешь? Они его с дочерью дома ждут, нельзя их совсем оставлять, надо возвращаться иногда — потому что ждут, это главное. И он возвращался. Хоть и скандалы дома, и ругань — все равно возвращался. А потом... а потом случилось. Жена его подхватила где-то простуду, лечилась как попало, пневмония, и все. Не спасли. Дочери тогда было десять лет. Так он с ней на руках и остался. А в городе ему работы не было, только экспедиции. Да и не мог он уже

без этого. Поэтому дочку пристроил в женскую гимназию, а сам снова в тайгу. Она девочка тихая была, не спорила с ним, не возражала. Первый год он ее, когда мог, навещал. А затем завербовался в экспедицию в Антарктику, за большие деньги. Уехал на целый год да больше в свой дом так и не вернулся. Сил у него уже не было.

Уволился, деньги быстро кончились, слонялся по городам и весям. Нищий, аки мышь церковная, зато свободный. Он так говорил, это самое главное. На кой черт деньги, если полной грудью вздохнуть не можешь? Не знаю, прав ли он был, но говорил так. В конце концов здесь осел. Занял какую-то хибару на отшибе села, там раньше какой-то алкаш жил, потом умер — он там и поселился. Начал рыбу ловить, продавать. Так и перебивается уже год с лишним. Но ему история с дочерью все равно спать спокойно не дает. Совесть мучает, что оставил ее и исчез. Все порывается поехать к ней, да так и не едет.

— И как тебе такая жизнь? — спрашиваю я, когда Марина наконец умолкает.

— Это безответственность, — говорит она, — но это его жизнь. Тем более что человек-то он все равно замечательный. Пусть уж живет как хочет, не нам с тобой его судить.

— И как ты думаешь, он счастлив?

— Свободен, по крайней мере. Свободен от денег — свободен в принципе.

...Бабье лето получилось смазанным и кончилось быстро и внезапно, как и началось. Ночь на восемнадцатое сентября была тихой, теплой и безветренной. Ветер поднялся лишь под утро, пригнал откуда-то с севера серую пелену облаков и застил ею небо.

Девятнадцатого сентября пошли проливные дожди, а еще через пару дней ветер снова поменялся и задул строгий вест. Сменилась и погода: стало прохладно и сухо. Так наступила осень. На пыльном асфальте шуршали, перекатываясь, одноразовые стаканчики и целлофановые пакеты вперемешку с сухими листьями. Из старых кварталов потянуло едковатым дымом мусорных куч, а со стороны дачных поселков ветер приносил запах перекопанной земли и спелых яблок.

Осенью в городе подорожал бензин. Осенью вообще все подорожало. Люди, чертыхаясь, ходили по рынкам и набивали пакеты и авоськи свежей картошкой и капустой, редькой и патиссонами.

С работой ничего не выгорело. Все сезонные приработки были уже закрыты, почты и заправки хотели видеть у себя только совершеннолетних, а больше сунуться было и некуда.

Ночевать в долгострое было уже нельзя. Во-первых, ночи были уже по-настоящему холодные, а, во-вторых, вокруг расположенных по соседству тепло-трасс начали кучковаться бомжи, видимо, в предвкушении отопительного сезона. Да и запасы подходили к концу. Эти проблемы надо было как-то решать, но у Коптильникова никакого ясного плана на этот счет не было. У Инны тоже не было, зато было немало решимости его придумать. Она чувствовала на себе какой-то облагораживающий груз ответственности за все происходящее. В конце концов, именно она втянула Григория в эту затею. И потом целыми днями ломала свою многоумную голову в поисках решения, пока наконец не подобрала подходящее. Звучало оно примерно так:

— Гриша, — она мягко положила руку на его плечо и наклонилась к его уху, — а что если где-нибудь на даче? А?

— На какой даче? — не сразу понял Коптильников. — У тебя дача есть?

— Да нет же, не у меня. Просто в любом дачном поселке, где потише. В домиках зимой же все равно никого нет. Вот там и посидим. Еще в огороде успеем покопаться, может, там что не убрано осталось.

— А ключи? Как дверь откроем?

— Да откроем как-нибудь, — отмахнулась Инна от вполне резонного вопроса.

— А если там сторож, в поселке дачном?

— Ты думаешь, он в каждом поселке есть?

На это Коптильникову возразить было нечего. Пришлось только пожалть плечами, пересчитать мелочь в карманах и поехать осматривать все места скопления мичуринских, какие он только помнил, да еще те, что Инна подсказала.

Между тем начало холодать. Где-то в третьей декаде сентября грянули первые заморозки, а через неделю выпал первый снег, и почему-либо зазевавшиеся дачники теперь в панике забегали по своим огородам, спасая все то, что еще было можно спасти.

Коптильников возложенные на него обязанности исполнил без особого энтузиазма, но к решению проблемы подошел очень добросовестно. Потратив в общей сложности четыре дня на осмотр мест для «залегания на зимовку», как он сам это называл, он таки нашел подходящее. Это был небольшой кирпичный домик на отшибе безымянного поселка, в народе именуемого «114-й километр». Вид и у дома, и у участка был весьма запущенный — здесь, по меньшей мере, год явно никто не бывал. Дверь была заперта на замок, но по найденной тут же приставной лестнице Григорий без особого труда проник внутрь через разбитое окно мансарды и уже изнутри отпер дом. Особенно приятным сюрпризом было то, что ключ нашелся там же, под порогом. Положив его после некоторых раздумий в карман, Коптильников вышел из дома, вновь заперев дверь.

Дорога в поселок была длинной, путаной и грязной, и потому люди туда предпочитали добираться на пригородном поезде, до одноименной платформы. Железнодорожная ветка, возле которой поселок стоял, была неэлектрифицированной, и электричек там просто по определению не было. Итак, две пары поездов в день: один — настоящий пригородный, а второй — какой-то шестисотый, но, в сущности, тоже пригородный — из восьми вагонов половина сидящих да два общих. Еще был малополезный, без особого расписания, автобус, который зимой, как говорили, не ходил. Поселок от ближайшей деревни отделяло бескрайнее картофельное поле. Картофель с него уже убрали, и оно отдыхало — до самой весны.

Коптильников, пиная камни гравийной отсыпки, слонялся без дела по поселку, а вокруг бегали суетливые, как всегда по осени, дачники, в багажники и на прицепы грузили мешки с урожаем, жгли мусор, топили печи, мыли окна, подметали в домах. А еще стучали молотки — двери заколачивали на зиму.

...Инну наличие ключа и вовсе привело в восторг. Выслушав рассказ Григория до конца, она тут же, не теряя ни минуты, скидала в рюкзак вещи, и беглецы стремглав ринулись на вокзал — до второго и последнего на сегодня поезда в нужную сторону оставалось минут сорок.

Прошла еще неделя или, может быть, дней десять, прежде чем я снова оказался в Баламутовке. В кафе «Анна» был санитарный день, и потому я сразу направился к Ипсиланти, которого застал за внимательным созерцанием какой-то придорожной травки на тротуаре. Я подошел к нему со спины, но он, услышав шаги, обернулся заблаговременно:

— А вот и снова ты. Рад видеть.

— Я тоже рад. Чем занимаешься?

— Да вот, видишь, на траву смотрю. Это чина луговая. Просто удивительно, как она тут не померзла.

Здесь он был прав. Последние несколько дней по ночам были сильные заморозки, ненадолго выпадал снег.

— Удивительно.

— Слушай, — Ипсиланти встает и закуривает, — ты здесь до завтра?

— До завтра. Более того, может быть, даже до послезавтра, как указания от руководства поступят. Но до завтрашнего вечера в любом случае.

— Тогда, может, сплаваешь завтра со мной?

— Куда?

— До острова, у меня там в лабазке рыба осталась вялиться. Я хочу снять, сюда, в дом, перевезти, а то как бы, не дай бог, не перемерзла, растает потом — сгниет.

— Могу и сплавать, — отвечаю я, — у меня на завтра особых планов нет. И это чистая правда. Все лучше, чем смотреть на Нурика, дрыхнувшего в гостинице.

Часов в восемь вечера отправляюсь к Марине. Дверь в квартиру почему-то не заперта, и я захожу без стука. Она сидит за столом в кухне, проверяет тетради. Вид у нее удрученный. Надо полагать, ничего хорошего там не пишут. Увидев меня, Марина меняется в лице, выходит в прихожую и нежно меня обнимает. И никого ничего не удивляет — она принадлежит к числу тех женщин, которые ни о чем лишнем не спрашивают и если уж позволяют к себе приходиться, то позволяют делать это без приглашения или просто оставляют ключи от своих дверей; меня же просто трудно чем-то удивить.

— И что, — спрашиваю я, пока Марина накрывает на стол, — как здесь жизнь?

— Все так же. Кризис — это везде. И ученики умнее не становятся. А ты?

— Я нормально.

— Нормально? И слава богу. Ладно, давай, пей чай, приходи в себя, а то выглядишь совсем плохо.

Это самый простой, дешевый черный чай в пакетиках, а к нему — самое простое, советской заправки, печенье и три-четыре прошлогодних карамельки. Но это все куда как приятнее, чем даже самый вкусный борщ в плотниковском заведении — потому что это для меня.

— А ты представляешь себе, — говорю я, — Ипсиланти меня завтра с собой позвал до острова с ним сплавать. Как думаешь, плыть?

— А ты согласился?

— Согласился.

— Тогда плыви. По крайней мере, убить он тебя не убьет, может, расскажет что-нибудь интересное. У него же всяких баек миллион.

Потом сидим в гостиной. Работает телевизор, но звук выключен, и я его не смотрю. Я смотрю на Марину. Та сидит за журнальным столиком и раскладывает на нем какое-то гадание. Она вообще неплохо гадала на картах. С ее слов, она, пока жила в Архангельске, умудрялась на этом зарабатывать.

— Знаешь, — вдруг говорит она, глядя на меня с тревожной улыбкой, — странное дело.

— Что именно?

— Карты. Никогда такого не видела.

— Ты, кстати, на кого гадаешь?

— На тебя.

— И что там?

— Я говорю — странное дело. Получается, что ты, как бы это сказать, что-то соберешь воедино, соединишь, сам того не подозревая. Не знаю, что это должно быть конкретно, ничего на ум не приходит. Я третий раз перекладываю, все выходит одно и то же.

— Действительно интересно, — отвечаю я, — что бы это могло быть? Получка и аванс? Или расчет и отпускные? В наши дни нечего и удивляться.

— Ты не понимаешь. Это что-то большое, важное. Серьезное.

— За три месяца получка, что ли? — спрашиваю, почти смеясь.

— Да ну тебя. Ничего ты вообще не понимаешь, — говорит она, все так же улыбаясь, и садится ко мне на колени.

Рано утром, пока Марина еще спит, я встаю и тихо, как мышь, выхожу из квартиры, захлопываю дверь; брюки приходится надевать уже на лестничной площадке.

Ипсиланти ждет меня возле входа в кафе; ни на какое конкретное время мы с ним не договаривались, он просто ждет. Видимо, он просто мне верит.

— Как спалось? — спрашивает он, пожимая мне руку.

— А ты знаешь, ничего. Мило и тепло. И мухи не кусают.

— Ну что, пошли?

— Пошли.

Ипсиланти хранит свое плавсредство в полуразрушенном бетонном эллинге возле старого причала в затоне на широкой и медленной реке, названия которой я не знаю. Ночью опять подморозило; с неба сыплется ледяная крупа. По реке идут шуга и сало; затон подернулся корочкой прозрачного льда. Покрошив лед ломом для очистки совести, Сергей выводит старенькую лодку на воду и заводит мотор.

До острова плыть почти двадцать минут. Ипсиланти правит, сидя на корме, я полулежу на дне лодки, на носу, и смотрю через борт то на небо, то в воду. Они почти одного цвета — серые и блеклые. А на воде блестят ледяные искорки.

— Здесь даже осенью хорошо, — говорит Ипсиланти, — пожалуй, даже лучше, чем летом.

— Почему?

— Не жарко, и комаров нет. Зато и рыба хуже идет.

— А как же зимой? Подледный лов?

— Прошлую зиму еле перекантовался, а в этот раз в районе обещают общественные работы. Надеюсь, возьмут. К январю запасы кончатся, тогда, боюсь, туго будет. Но, авось, пронесет.

— А свалить отсюда ты не подумывал?

— Можно и свалить. Понимаешь, в том вся и прелесть. Решение приходит внезапно, спонтанно, и тогда я куда хочу, туда и еду, чем хочу, тем и занимаюсь. Сегодня здесь, а завтра там.

Тем временем лодка ломает перемерзшие ветки прибрежного ивняка, и мы причаливаем к заросшему кустами и бурьяном острову. «Лабазок» Ипсиланти стоит метрах в пятидесяти от воды, на пригорке, и скорее напоминает сарай, чем настоящий лабаз — сколочен кое-как, поскрипывает на ветру, но держится. На проволоке, привязанной к шесту, вялится рыба — но каким-то необычным способом, не продетая через глаз, а иначе: мясистые части, нарезанные кубиками и очищенные от костей, прямо на лентах нечищенной, в чешуе, кожи.

— Что, — спросил Ипсиланти, видя, как я смотрю на рыбу, — удивлен?

— Да. Тебя кто научил так рыбу вешать?

— Это что-то вроде ююкы. Национальное блюдо у некоторых северных народов. Так она лучше высушивается и хранится дольше, потому что голов и trebuхи нет. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, в другой раз, — я, конечно, Ипсиланти уважаю, но глистов все-таки побаиваюсь.

Сергей выносит из лабаза старый примус, зажигает его и ставит старый полуржавый чайник. Когда тот закипает, бросает в кипяток три чайных пакетика, принесенных оттуда же, из лабаза, а полученную жидкость разливает по чашкам; одну чашку дает мне, из второй начинает пить сам.

Мы садимся на завалинку, возле двери, пьем чай, курим и разговариваем. Над нами на веревке висят веники из сухой полыни, мелиссы и чего-то еще столь же душистого; пахнет травами и огоньком от примуса.

— И все-таки я не понимаю, — говорю я, — что ты делаешь именно здесь? Почему не у себя на родине? Или не где-нибудь еще?

— Здесь мне просто нравится. Места красивые.

— Но ты ведь много где бывал. Неужели красивее не видел?

— Видел. Но здесь тоже хорошо. Но это не главное. Как-то мне здесь спокойно, меня отсюда пока не тянет куда-нибудь еще. Когда-то обязательно потянет, но не сейчас.

— А если жить где-нибудь за границей? Ты бы хотел?

— Нет.

— А что так? Ты патриот?

— Да не то что бы. Просто ты не понимаешь, наверное, даже, в какой прекрасной стране мы живем. И в какое прекрасное время!

— Да ну?

— Ну разумеется! Ну, скажи, Виталя, где ты еще в мире найдешь что-нибудь подобное? Ведь только в нашей чокнутой стране я могу идти по любой дороге, в любом направлении, брать попутки и посылать их к черту, сходить с дороги и сворачивать в лес, залезать на любое дерево и пить из любой реки, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу и не платить за это, не получать никаких разрешений и ни перед кем не отчитываться! Конечно, есть много исключений, но главное, что есть возможность! Я могу говорить с людьми и могу оставаться один, мне есть куда уходить, где побыть одному, могу шуметь в любое время суток, и никто мне будет не указ! Скажи, где ты еще найдешь это?

Попробовал бы ты в той же Германии без разрешения в лес зайти! Или во Франции мусор выкинуть не в ту урну! Или в Штатах вывесить рыбу сушиться на балконе! А здесь я могу и закона не нарушу. Пойми ты, у нас тут полно проблем, но только в этой чертовой стране я могу сам найти себе еду и воду и никому за это не платить, и ни у кого не спрашивать о том, чего мне сегодня хочется — щучьей ухи или жареных карасей! Знаешь, с чем я сюда пришел, в эту Баламутовку?

— И с чем же?

— Вот в этой ветровке у меня были ручка, спички, блокнот и расческа из поезда. И еще была закидушка с тремя крючками. И я с этим вот всем выжил, не умер и, заметь, ни у кого ничего не украл и никого ни о чем не просил. И этим я горжусь.

— Ипсиланти, ты сумасшедший, — почти всерьез говорю я, хотя после его слов не могу сказать, что стал относиться к нему хуже.

— Да, я, черт возьми, сумасшедший. И это хорошо.

— Слушай, неужели тебя никогда не тянуло назад, к тому, что ты где-нибудь да оставил, к нормальной жизни?

— Я много лет жил нормальной жизнью. Только в экспедициях и отдыхал. От матери, от жены, от семьи и от города. Не значит, что я их всех не люблю. Просто

мне нравится так жить, и это еще не значит, что я в чем-то перед ними виноват. Может быть, у меня дромомания, может быть. Но я так долго ждал, пока все то, что меня связывает, исчезнет, и я свободен наконец-то, Я ЖИВУ!!! И я просто хочу жить так, как мне хочется. Это же так просто, черт возьми!..

— А хоть за что-то тебя совесть мучает, а?

— За дочь. За то, что оставил ее, не нашел сил прийти и просить прощения, за то, что не могу иначе. Она единственная, перед кем мне и вправду стыдно. Надеюсь, она считает, что я умер. Ей, на самом деле, так будет проще. Она тогда ничем не будет себя терзать.

— А как же надежда? — недоумеваю я. — Надежды ты ей оставить не хочешь?

— Надежды на что? Ты сам на меня посмотри, ну какой из меня отец? Пойми, я, может, умею любить, но совершенно не умею привязываться. Просто я такой, ничего с этим не могу поделать.

— И тебе не жаль?

— Нисколько. Не знаю, понимаешь ли ты меня, надеюсь, что понимаешь. Ай, ладно, — Ипсиланти машет рукой, словно стесняется всего сказанного, — давай рыбу грузить. Поживем — увидим.

Вернувшись в Баламутовку, застаю Нурика в кафе уплетающим щи. Никаких эмоций на его лице по поводу моего возвращения нет. Да и ладно. Я спрашиваю у него:

— Когда поедем?

— Когда скажешь, тогда и поедем. Вот только суп доем, да?

— Кушай, кушай на здоровье.

— Обижает. Целый день голодный.

Наконец Нурик разбирается со щами, и мы идем на стоянку. У дверей меня караулит Ипсиланти и, когда я выхожу, спрашивает:

— Слушай, а все-таки ты записку передал?

— Передал.

— Спасибо. Скажи... а как там она?

— Она в порядке.

...Оказавшись в обезлюдевшем дачном поселке и кое-как скоротав первую ночь, они следующие четыре дня бродили по картофельному полю, убирая остатки урожая. Набрал полтора мешка полугнилой, перемерзлой картошки, занятие это бросили, потому что ничего съедобного на поле более не осталось. Потом долго лазили по доступным огородам, но там ничего особенного собрать не смогли — дачники к своим угодьям подходили тщательно. Правда, в доме нашлось некое количество продовольствия — несколько упаковок макарон, килограмм десять различных круп, соль, сахар, семь банок тушенки да тридцать две банки консервов, в основном рыбных. Была там и кое-какая зимняя одежда — тулуп, три пары больших валенок и несколько старых свитеров. Это все тоже оказалось очень кстати.

Печь можно было топить, только открыв все окна, настолько сильно дым валил внутрь. Коптильников, правда, попытался, взобравшись на крышу, прочистить трубу, но упал оттуда и едва не сломал все ребра, и после этого рисковать не стали.

Потом Инна вспомнила о вычитанном где-то старом способе борьбы с сажей в дымоходе — протопить печь осиновыми дровами. Топор и колун в доме были, но вот найти осину оказалось куда как сложнее. Когда ее наконец нашли и после

трехдневных совместных усилий срубил, от нее отломали ветки и с трудом откололи четыре чурбана, которыми в результате и топили злополучную печь. Это и вправду немного помогло, но до конца справиться с дымом не удалось, и потому тепла в доме все равно оставалось мало.

Когда стало действительно холодно, это превратилось в главную проблему. Тогда же Коптильников, что-то делая во дворе, простудился и серьезно заболел, и, если бы не Инна, не отходившая от него буквально двадцать четыре часа в сутки в течение полутора недель, вполне мог отправиться в мир иной.

К тому же, у него помаленьку начинали сдавать нервы. Он старался не подавать виду и при Инне держаться молодцом, но она понимала, что ему по-настоящему страшно. Ей и самой было не по себе, но она твердо знала — она долго шла к осуществлению своей цели и идти надо до конца. И она шла.

...К середине ноября были съедены консервы, в начале третьей декады кончились макароны, двадцать девятого числа — картофель. Инна понимала, что уходить придется и отсюда, но как? С одними паспортами и почти без денег добраться до Архангельска, зимой — это выглядело почти неосуществимо. Но другого пути к спасению не было, и рано утром тридцатого ноября она разбудила Коптильникова словами:

— Будет «план Б». Иначе мы до весны не доживем.

— Какой «план Б»? — с напускным спокойствием осведомился он, прирученный не удивляться находчивости своей подруги.

— Поедем в Архангельск.

— Поедем хоть к черту на рога, — на сей раз совершенно искренне сказал Коптильников, — а то и вправду выйдем, как мамонты. Как я помню из географии, у них там не так холодно?

Декабрь как-то долго не хотел наступать. Много времени, до второй декады, снег шел попеременно с дождем, и по дорогам разлилась ужасная слякоть.

Где-то в десятых числах ходили в Петрозаводск, забирали запчасти. Нурику все было лень поменять резину, и поэтому наш обратный путь начался с аварии. То есть этот придурак на «Газели», конечно, сам был виноват, но это же не значит, что резину менять не надо!

Разумеется, что в Вологду при такой раскладке нам было не успеть: машину пришлось загнать на сервис, резину менять втридорога, а лично мне коротать бесконечные дни в безмянной придорожной гостинице и ждать разгневанного звонка от начальства.

Он и последовал на четвертый день нашей остановки. Однако вместо руководства фирмы почему-то позвонил Длуголенский и не менее гневным голосом потребовал, чтобы мы сгрузили товар и порожняком следовали в Архангельск. Эта перспектива меня совсем не обрадовала, но, дождавшись подошедшей машины, которая забрала наш груз, мы с Нуриком тронулись в путь.

Уже когда мы ехали, я почему-то подумал, что нет худа без добра: по крайней мере, у меня будет очередной повод захватить в Баламутовку и переночевать там у Марины, со всеми вытекающими последствиями. Правда, Ипсиланти к тому времени совсем куда-то пропал. Как пояснил мне индивидуальный предприниматель В. С. Плотников, попыхивая крепкой морской трубочкой, «он в Сибирь поехал, дочку проведать». Это он мне еще в ноябре сказал.

Днем семнадцатого числа мы наконец-то добрались до места. В Баламутовке было как-то на удивление пусто, по разным углам стоянки спали присыпанные снежком два допотопных бензовоза, возле выезда коптил небо выхлопными газами какой-то автобус, и все — ни людей, ни машин.

Зато у входа в кафе «Анна» мы с Нуриком застали прелюбопытнейшую картину. Там стояли Марина, Плотников и местный участковый и о чем-то оживленно беседовали. Подойдя, я ничтоже сумняшеся обнял Марину за плечи, но она обернулась и, не выказывая ни малейшего удивления по поводу моего внезапного появления, резко одернула меня:

— Погоди.

— А что случилось-то?

Вместо Марины ответил участковый:

— Я провожу проверку в рамках отдельного поручения, из другой области.

Вы очень кстати приехали.

— Надо же. А чем я, собственно, могу?..

— Вы с Сергеем Ипсиланти знакомы?

— Так, шапочно. Пересекались здесь несколько раз. А с ним случилось что-то?

— Надеюсь, что нет. Но мне бы хотелось с ним переговорить. Вы знаете, куда он уехал?

— Не думаю. Он такой человек, что куда угодно мог уехать, — я не стал вдаваться в подробности, искренне полагая, что Плотников все, что мог, ему уже изложил.

— Понятно. Просто мне здесь отдельное поручение пришло. Вот тут, видите, ориентировка висит. Но мне Ипсиланти нужен. Сроки-то у меня тоже не резиновые, три дня осталось...

После этого милиционер взял Плотникова под локоть и отвел в сторону. Вслед за этим Марина, клюнув меня в щеку вместо приветствия, встревоженным голосом спросила:

— Он точно тебе не говорил, куда собрался?

— Да нет, говорю же! Что стряслось, в конце-то концов?

— Вот, смотри, — и Марина указала на висящее на стене свежее объявление, успешшее, однако, уже основательно намокнуть.

Там были две черно-белых фотографии; изображение на них было практически неразличимо из-за многочисленных принтеров, ксероксов и факсов, через которые этим снимкам довелось пройти, да и, к тому же, бумагу размочило снегом и дождем. Текст под фотографиями гласил:

«В связи с безвестным исчезновением и утратой связи с образовательными учреждениями разыскиваются по федеральным учетам: Ипсиланти Инна Сергеевна **.**.**** г.р.; Коптильников Григорий Александрович **.**.**** г.р....», а дальше — такого-то числа ушли оттуда-то и оттуда-то, до настоящего времени не вернулись, одеты в то-то и то-то, особые приметы — такие-то и такие-то, при имеющейся информации сообщить туда-то и туда-то. Да мало ли подобных бумаг треплет ветер по фонарным столбам нашей страны? Только не говорите, что вы на них когда-то обращали внимание.

Зато, по крайней мере, было понятно, зачем милиции понадобился Ипсиланти. Прав участковый, сроки у него не резиновые. В самом деле, не его же дочку он вознамерился искать.

Но это все в моей голове. А вслух я сказал:

— Да уж. Куда папа, туда и дочка. Хороша семейка, — и здесь мне пришлось в голову, что сказав такое, я особо не соврал.

— Ты о чем? — Марина вынырнула откуда-то из-за моего плеча.

— Да так, о своем, о девичьем. Пойдем отсюда, что тут делать...

На другой день погода наконец устаканилась. Столбик термометра немного отлип от нулевой отметки, и пошел крупный мокрый снег. Рано утром, часов в девять, мы выехали из Баламутовки и теперь небыстро двигались по ровной, будто свежеспеленной дороге.

Так и ехали. Я молчу. Магнитола молчит. Нурик тем более молчит. Настроение так и осталось испорченным. Из-за того, что вся Баламутовка опустела. Из-за того, какой разнос мне по приезду учинит Длуголенский. Из-за Ипсиланти. Он, думалось мне, так ведь никогда и не узнает, что случилось с его дочерью. Хотя, наверное, нет, узнает. Страна большая, розыск федеральный, ориентировок развешено много. Только вот легче ли с того?

В Исакогорку мы приехали только поздним вечером, затемно. Снег по-прежнему валил не переставая. Успело, однако, немного подморозить, так что назавтра намечался день жестянщика. Да и бог с ним. Об этом пусть у Нурика голова болит.

На грузовом дворе не было ни души — ни охраны, ни вахтера, ни водителей. Никого. Даже кладовщика, которому надлежало сдать бумаги, я разыскал в недрах склада с огромным трудом.

Надо ли говорить, что Длуголенского тоже не было? Отвлекаясь на секунду от каких-то коробок, кладовщик (который, как выяснилось, обнаружил крупную недостачу, отчего и не вышел нас встречать) сказал, что юрист все же приехал и твердо намерен меня дожидаться. Правда, не здесь, а почему-то на станции.

Вот уж воистину, не человек — загадка. И что ему там в такую пору понадобилось? Я даже не сразу припомнил, что, занимаясь по долгу службы имитацией бурной деятельности (или самой бурной деятельностью, кто разберет?), наш юрист, бывало, наведывался в товарную контору разобраться насчет отправляемых и прибывших вагонов, так как, обладая правом на представительство без доверенности, экспедиторов от такой работы устранил.

Чертыхнувшись, я попрощался с Нуриком и поковылял по путям на станцию. Было темно и тихо, шел мокрый снег.

Ни звезд, ни луны, конечно, не было видно. Только прожектора на сортировочной горке откуда-то издали били в глаза и слепили холодным, голубым светом. Да еще где-то в другой стороне, за перелеском, виднелись желтые огни Исакогорки.

Длуголенского я, опять же вопреки ожиданиям, обнаружил не в товарной конторе, а в здании пассажирского вокзала, где он картинно препирался с ЛОВД-шным старшиной. Завидев меня еще издали, он преспокойно поздоровался со мной, так, как будто и не поносил меня наемни на чем свет стоит, и на мой вопрос, что он тут забыл, дал не очень понятный, но вполне в своей манере ответ:

— Да вот, видишь, пытаюсь навести справедливость.

— Какую справедливость?

— Тут с котласского товарняка двух каких-то подростков сняли. То ли местные, то ли не местные, непонятно, но с документами вроде. Вот, пытаюсь уговорить, чтобы не сразу в ЦВИМП отправляли, а попробовали родственников найти.

— Куда-куда отправляли?

— ЦВИМП. Центр временной изоляции малолетних правонарушителей. Ладно, это все лирика. Я к тебе вот зачем: помнишь историю с тушенкой? Так вот. В Арбитражном процесс в понедельник. Так что не уезжай пока, ты мне понадобишься.

А на следующий день где-то далеко, очень далеко, в Сибири, было утро. Раннее, раннее утро, часов пять.

За верхушками строевого соснового леса только-только начинал брезжить рассвет.

Из дали в даль шла скользкая, заснеженная дорога. Нет, не было ни ветра, ни снега. Но дорогу никто не расчищал, и по ней почти никто не ездил. Спал лес слева от дороги. Спало поле справа от дороги. Спала подо льдом широкая река где-то у горизонта.

По дороге шел человек, который не спал. Было ему на вид лет сорок, в черных волосах проблескивала седина, как будто вместе с лесом и полем его припорошило тоже. Он был одет не по погоде: на нем мешком висела зеленая ветровка, а под ней — свитер на голое тело, тоже не по размеру. Человек что-то пел — то ли голосом пел, то ли насвистывал, а может, играл на губной гармошке — кто разберет, кто услышит? А в руке у него был изорванный, мятый, матовый от клея лист бумаги. Как будто человек сорвал откуда-то объявление.

...По той же дороге из города, с байк-шоу, ехал старый байкер. В клепаном кожане, в каске и с бородой, как у Карла Маркса. Увидев идущую впереди фигуру, он не стал дожидаться, пока человек, голосуя, поднимет руку. Он не спеша догнал его и остановил мотоцикл.

Байкер спросил:

— Ты куда?

— Я отсюда откочевываю, — ответил человек.

— Это как перелетная птица, что ли?

— Да, как-то так.

— Так ты куда?

— А ты куда?

— Я на юг.

— Значит, и я туда же.

